

УДК 93/94 (471.63)

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЭПИЗОДОВ БОРЬБЫ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (20–50 гг. XIX в.)

А. Г. Мансурова

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Рассматривается роль даргинских обществ в народно-освободительной борьбе горцев в XIX в. От позиции этих обществ во многом зависели успехи всего движения, поэтому они занимали видное место в военно-стратегических планах противоборствующих сторон.

The role of the Dargin communities in the national liberation struggle of mountaineers in the XIX century is considered. Success of the whole campaign largely depended of their position, so the communities took notable place in the military and strategic plans of the opposing sides.

Ключевые слова: Россия; даргинские общества; борьба за независимость; стратегия противоборствующих сторон.

Keywords: Russia; Dargin communities; struggle for independence; strategy of the opposing sides.

Одним из главных событий во внешней и внутренней политике России XIX в. была народно-освободительная борьба горцев Дагестана и Чечни в 20–50-е гг. XIX в.

Жесткая колониальная политика, целенаправленно проводимая главноуправляющим в Грузии командиром Отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенантом А.П. Ермоловым, период его правления, который, по определению дореволюционных историков, характеризовался «началом систематической войны против горцев» [1], спровоцировали протест горцев и в конечном итоге привели к тому, что почти все народы Дагестана оказались в оппозиции к Кавказской администрации.

Началась война за независимость, длившаяся несколько десятилетий. И в этой борьбе большую роль играли даргинцы, составлявшие федерацию союзов сельских общин Акуша-Дарго, в которую входили Акушинский, Цудахарский, Усишинский, Мекегинский и Мугинский союзы сельских общин. Это объяснялось их расположением в стратегически важном Центральном Дагестане.

На протяжении всего периода войны между имамами и правительственными войсками шла борьба за обладание союзом верхнедаргинцев.

В рапорте Александру I Ермолов указывал на то, что даргинцы – «виновники всех беспокойств. Далеко простирается их дерзость» [2].

Большое значение уделялось Акуша. «Пока Акуша не будет окончательно под русским влиянием – дела наши в Дагестане можно считать только на пути к цели» [3].

После карательного похода Ермолова в горы (1819 г.) «Акуша, служившая твердою опорой всем прочим народам и могущественным своим влиянием против нас вооружавшая, была покорена» [4]. Из Акуша-Дарго было взято 24 аманата и наложена контрибуция – 2 тыс. баранов в год.

Чуть позже генерал Ермолов решил изменить свою тактику по отношению к даргинцам. Решено было списать все недоимки казне, накопившиеся за прежние годы. Был заключен прочный союз, который во всех последующих делах сохранил надолго спокойствие в этом крае [5]. Ермолов вынужден был пойти на определенные уступки, чтобы нейтрализовать даргинцев [6].

Военное командование возлагало большие надежды на Магомед-кадия Акушинского. Среди общего недоверия, как отмечали русские источники, «рельефно выдвигалась лишь одна личность, на которую мы исключительно могли положиться. Воззрения этого почтенного человека всегда освещали нам дела и события настоящим светом, и он мог бы оказать нам существенную пользу, если бы мы умели его направить и употребить в деле надлежащим образом» [6]. Несмотря на запрет кадия, 500 даргинцев участвовало в отряде Гази-Магомеда при нападении на кр. Внезапную. Даже после этого военное командование не желало ссориться с

единственной общиной, не склонившейся перед духовною властью имама и которая твердо отстаивала свои адаты» [7].

В целях создания социальной опоры среди населения царское правительство внесло определенные изменения в свою колониальную политику.

Были написаны специальные предписания с рекомендациями о возможных вариантах покорения даргинцев. «С нашей стороны было бы ошибкой, – говорилось в одном из них, – считать Дарго покорным нам обществом, а еще больше – силою оружия заставить его подчиниться нашим уставам. Зная дух даргинцев, их можно привести в совершенную покорность только временем, дав верховную власть в обществе аристократической партии». Далее указывалось: «Их со всем родом можно было бы возвести в бекское звание и дать им средства, поддерживать вес в народе, дабы их дети наследовали кадийство. Таким образом, возвести в бекское сословие более заслуженных кадиев. Дав привилегии, было рекомендовано затем ввести в него войска, не нарушив временного гражданского управления. Ибо не время думать об образовании из Дарго приставства» [8].

Получив сведения о том, что в 1832 г. Гази-Магомед решил пойти в даргинские владения и оттуда в Мюрего и Каракайтаг, Магомед-кадий Акушинский ночью отправил гонцов во все даргинские села и собрал кадиев, старшин и почетных людей. Выступая перед представителями даргинских общин, уговорами и угрозами Магомед-кадию удалось склонить большинство представителей к своей точке зрения. Посоветовавшись, решили оказать мюридам сопротивление [9].

Какие последствия ожидало командование колониальных войск в случае успеха Гази-Магомеда, можно судить из следующего донесения шамхала генералу Каханову: «... если акушинцы соединятся с ними и сделают покушение на кр. Бурную, то для русского войска невыгодно будет оставаться в Шуре, ибо за изменою акушинцев все жители сей страны и даже других населенных пунктов соединятся с ними, невзирая на последствия. Тогда прекратится и сообщение между Тарками и Шурою, затруднения встретятся в доставлении провианта и дела наши пойдут дурно» [9]. Действительно, переход даргинцев на сторону Гази-Магомеда ставил под угрозу положение колониальных войск. С учетом географического расположения многочисленные и сильные даргинские союзы были желанными союзниками как для Гази-Магомеда, так и для военного командования. С целью привлечь их на свою сторону и те, и другие действовали осторожно, отчетливо понимая, что силовыми методами этого достичь невозможно.

После смерти Гази-Магомеда (1832 г.) имамом Дагестана стал Гамзат-бек, который, как и его предшественник, большое значение придавал Центральному Дагестану как наиболее важному стратегическому объекту, от позиции которого во многом зависели успехи освободительного движения. Военное командование также уделяло верхнедаргинцам большое внимание. «На южной половине стратегической границы прикаспийского Дагестана, – писали царские генералы, – особенно важны Гергебиль, Цудахар и Кумух. От Гергебиля горцам открывался свободный доступ в Мехтулинские владения и на север – в Даргинский округ; от Цудахара к Акуше, в южные районы Даргинского округа, с Турчидага – к Кумуху. От спокойствия этого края зависело сообщение с Казикумухом и Аварией, безопасность Дербента и всего Южного Дагестана» [10]. По этой причине шла упорная борьба между имамом и правительственными войсками за обладание Даргинским округом.

В 1834 г. имамом Дагестана был избран Шамиль, с именем которого связан новый этап освободительного движения в Дагестане.

В начале этого периода даргинские общества занимали нейтральную позицию; «...даргинские общества не принимали участия в деле Шамиля, и наши солдаты чувствовали себя там, как дома», – писал А. Юров [11].

Спокойствие в даргинских обществах было необходимо в первую очередь правительственным войскам. В официальных отчетах отмечалось: «В Дагестане немного племен действительно нам преданных, бок о бок с провинциями, управляемые нашими чиновниками, находились общества, считавшие себя по отношению к нам как равная власть к равной, ни в коем случае не допускавшие мысли о подчинении. К этой категории принадлежали Кара-Кайтаг, Табасаран, Акуша, Андалаял, Цудахар. При всяком удобном случае эти общества изменяли нам» [11].

Блестящие победы Шамиля в 1843 г. оказали на цудахарцев большое влияние, хотя они вместе с акушинцами оставались зрителями всего происходившего. Кадии написали в письмах к Шамилю, что, если он в силах овладеть русскими укреплениями, акушинцы и цудахарцы готовы охотно признать его власть.

В рапорте императору генерал Чернышев отмечал: «Некоторые общества, особенно акушинцы и цудахарцы, не принимая явно неприязненных против нас действий, между тем под

разным предлогом отклоняются от исполнения требований наших и, вероятно, находятся в тайных сношениях с Шамилем. Эти племена, управляемые хитрыми и осторожными кадиями, выжидают, чем разрешится участь мюридизма» [12].

С точки зрения военного специалиста, ген. Ключену отмечал: «Если в 1843 г. Шамиль через своих помощников успел бы склонить Дарго на свою сторону, то мы бы в Дагестане потеряли все, что до сих пор приобрели. Но даргинцы остались формально на стороне русских не от сознания слабости, а от убеждения в собственной их выгоде не вмешиваться в это дело и от уверенности, что Шамиль с оружием в руках не посмеет склонять их на свою сторону, а русские не решатся иметь новых врагов в народе» [13].

Нейтралитет даргинских обществ, возникший на основе взаимных политических и экономических расчетов, был вынужденным компромиссом. Противоположные стороны старались использовать этот компромисс в своих интересах.

«Даргинцы поняли выгоду своего положения, – писали современники, – которое дает им полное право считать себя единственным независимым народом в Дагестане ни от влияния русских, ни от влияния Шамиля» [13]. «Переход этих обществ на одну из сторон, – отмечал ген. Ключену, – может быть весьма чувствителен. Если бы даргинцы пристали к Шамилю, тогда наши дела в Дагестане пришли бы в самое критическое положение. С восстанием Дарго мы не можем ручаться за весь Северный, Средний и Нагорный Дагестан» [13].

Военное командование знало о тайных сношениях даргинцев с Шамилем. Но, расценив свое положение в Дагестане на данный момент как критическое в случае перехода столь влиятельных союзов на сторону противника, воздерживалось от военных акций. При генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса даргинцев рассматривали как народ, живущий с одной политической целью – не враждовать открыто с русскими, но при первом удобном случае выступить с оружием против них. Кроме того, в этих обществах находили убежище и приют многие враги правительства [13].

Для освободительного движения народов Дагестана даргинские союзы играли важную роль. Во-первых, эти союзы являлись своего рода буферной территорией, надежно защищавшей имамат, так как командование боялось вводить войска в эти общества, опасаясь восстания многочисленного и сильного народа; во-вторых, даргинские общества играли важную роль в экономической жизни имамата. Когда военные власти заняли плоскость и запретили мирным горцам торговлю, даргинцы выступали в роли посредников, покупали товары на плоскости и продавали их воюющим горцам [13]. Кроме того, аварцам был закрыт доступ на кутаны, что ставило их на грань голода. В этой ситуации «даргинцы принимали отары из имамата, смешивали их со своими стадами, как и своих, гнали на кутаны к побережью, а к весне возвращали аварским владельцам» [14]. Военные власти, прекрасно понимая все происходящее, ничего не могли предпринять, поскольку не хотели восстановить против себя влиятельные даргинские общества. Царские власти даже не осмелились закрыть повозную дорогу от Дербента к Аварии, проходящую через даргинские общества из-за нежелания восстановить даргинцев против себя. В результате, в условиях осуществляемой противником экономической блокады, имамат через даргинцев получал все, что было необходимо для существования. По этой причине Шамилю не было необходимости требовать слепой покорности от даргинцев. Это было бы ошибкой. Иметь отношения с даргинцами в таком качестве было более выгодно и приносило Шамилю большую пользу. По признанию ген. Ключену, «польза от нейтралитета даргинцев для Шамиля важнее, нежели жители его «открыто надели бы белые чалмы» [15], потому что эти народы кормили и вооружали большую часть обществ непокорного Дагестана и всеми мерами стесняли действия царских властей [15].

В конце августа 1843 г. Шамилю удалось полностью склонить цудахарцев и акушинцев на свою сторону.

В январе 1844 г. кадии Акуша и Цудахара написали письмо ген. Гурко и ген. Ключену с требованием вывести войска из Дагестана. «Цель нашего желания, – отмечалось в письме, – состоит в том, чтобы вы оставили Дагестан и возвратились в Россию, иначе беспрестанно и упорно будем продолжать с вами войну до тех пор, пока будем живы» [16].

Военное командование на Кавказе вынуждено было изменить свою политику по отношению к даргинцам. Генерал Нейдгарт указывал о необходимости предписать особые условия акушинцам и цудахарцам, которые находились совершенно в особых условиях: «Дарованное им полное прощение увеличило их дерзость и буйство. Верных ручательств за будущую их покорность быть не может, если примерная казнь за их ничем не оправданную измену не предупредит навсегда подобные замыслы с их стороны» [17].

Тут же последовало воззвание ген. Лидерса к акушинцам и цудахарцам с требованием подчиниться царскому правительству: «Вы, акушинцы и цудахарцы, составляли многочисленное, сильное и богатое племя, сохранили полную свою независимость и свое собственное

народное правление, находились в цветущем положении под покровительством России, не платили податей, не исправляли никаких повинностей, не имели решительно никаких поводов к возмущению. А потому измена ваша, набег на шамхальское владение и попытка набега на укр. Низовое ничем не оправдываются и не могут остаться без наказания» [18]. Далее ген. Лидерс предлагал: «1) покоряющимся цудахарцам и акушинцам обеспечить неприкосновенность их веры, мечетей, обычаев, собственности и народного управления; 2) выдать Магомед-кадия Акушинского, Аслан-кадия Цудахарского и главных виновников последнего восстания; 3) выдать аманатов из почетнейших семейств; 4) в виде временной меры наказания платить подати ежегодно по одному рублю серебром от каждой сакли; 5) исправлять и содержать в исправности дороги, через ваши земли пролетающие. Если же вы не покоритесь добровольно и окажете сопротивление, то будете жестоко наказаны. Акуша, Цудахар и все ваши аулы будут разорены, не оставлю камня на камне, а тот, кто избегнет казни, не узнает места, где были аулы» [18].

Несмотря на такое грозное предупреждение, население продолжало принимать активное участие в военных действиях. Большим ударом для царской армии был переход цудахарцев и акушинцев на сторону Шамиля, что нанесло большой вред отступающим правительственным войскам, помешало их объединению и тем самым лишило возможности осуществления планов командования.

В неудачной экспедиции в горы Дагестана (1845 г.) правительственные войска, потеряв более 5 тыс. человек, во главе с главнокомандующим Воронцовым чудом спаслись от полного уничтожения. Однако Даргинский округ, один из важных стратегических пунктов Центрального Дагестана, остался в руках колониальных войск.

В мае 1846 г. ген. Воронцов посетил Южный Дагестан. Осенью 1846 г. Шамиль возобновил наступательные действия в Даргинском округе. Главнокомандующий признал необходимым постоянно содержать войска для обороны Цудахара и Акуша, игравшие видную роль в событиях 1846 г. [19].

11 октября 1846 г. ген. Бебутов написал главнокомандующему: «Акуша отложились и жители ее пристали к Шамилю; они с давних пор находились в тайных сношениях с ними и измена их давно подготовлена» [20].

Собрав сведения, полк. Веревкин пришел к выводу, что существовал заговор и даргинцы ждали Шамиля [20].

План Шамиля во время октябрьского похода (1846 г.) основывался на следующих соображениях: пройти через Цудахар и Хаджал-махи, ликвидировать эти укрепления, запирающие основной проход в Даргинский округ и далее в Южный Дагестан. По этой причине Шамиль уговаривал жителей Цудахара и Хаджал-махи переселиться в другие места. Многие жители последовали уговорам имама: одни из-за страха, другие же в поисках спокойного места жительства.

В то же время командование колониальных войск использовало эти многолюдные населенные пункты как передовые укрепления, запирающие главный проход, и ему была совершенно не выгодна ликвидация этих пунктов. По этой причине ген. Аргутинский выделил большие средства для восстановления и укрепления этих сел и заселил туда жителей.

После отступления Шамиля по приказу командующего войсками все должностные лица Даргинского округа с Зухум-кадием во главе были оставлены на своих местах. Генералу Аргутинскому было предписано потребовать выдачи тех лиц, которые способствовали приходу Шамиля, только виновных облагать контрибуцией, состоящей в безвозмездном снабжении войск дровами, перевозке провианта, исправлении дорог. Встал также вопрос о том, какие меры принять в связи с разорением сильно укрепленных аулов Цудахар и Хаджал-махи, запиравших вход в Даргинский округ.

В 1846 г. в Даргинском округе было запланировано восстание против ужесточения колониального режима. Настойчивость противоборствующих сторон в овладении Цудахаром и Акуша можно объяснить тем, что отсюда Шамиль мог угрожать Мехтуле, Шамхальству, Кайтагу, Табасарану и далее проникнуть в Кюринское ханство, Кубинский уезд и даже за Самур. Кроме того, разрывалась связь между колониальными войсками Северного и Южного Дагестана.

Успех Шамиля в осуществлении своих планов во многом зависел от позиций многолюдных и хорошо укрепленных населенных пунктов Хаджал-махи и Цудахар, поэтому Шамиль старался переселить жителей этих сел и оставить проход открытым, а царские войска всячески стремились укрепить эти села. Цудахарцы в 1846 г., как и раньше, заняли выжидательную позицию, потому что, несмотря ни на какие погромы, Шамиль, как отмечал ген. Аргутинский, продолжал пользоваться высоким нравственным авторитетом [21].

Проявляя истинно колониальный характер своей политики, военное командование использовало любую возможность, чтобы усилить разногласия между горцами.

Военное командование систематически меняло гарнизоны, расположенные для отдыха в Цудахаре и Хаджал-махи, так как они находились в важных в стратегическом плане укреплениях и, находясь постоянно в деле, несли большие потери.

И в последующие годы командование колониальных войск придавало большое значение Центральному Дагестану и для укрепления своего положения в этом регионе потратило много сил и денежных средств. Шамиль также предпринимал большие усилия по привлечению горцев, в том числе и даргинцев, на свою сторону. Влиятельные даргинские общества, управляемые осторожными и предусмотрительными кадиями, проводили политику лавирования в зависимости от конкретно-исторической ситуации, главной целью которой было максимально сохранить свой народ. В этом плане показателен ответ Магомед-кадия Акушинского на призыв Шамиля присоединиться к борьбе (1847 г.), в котором он, в частности, писал: «...Беспорядки в Дагестане, война и вражда являются результатом твоих распоряжений» [21]. И далее: «Дагестан не в силах воевать с русскими и изгнать их из Дагестана, даже в том случае, если все народы Дагестана душой и языком объединятся» [22].

Таким образом, даргинские общества, населявшие территорию Центрального Дагестана, играли большую роль в военно-стратегических планах как России, так и Шамиля. И от того, чью сторону примут даргинцы, во многом зависел исход народно-освободительного движения горцев. Поэтому даргинские общества были желанными союзниками противоборствующих сторон. Их лидеры проводили политику лавирования с единственной целью – уберечь свой народ от уничтожения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романовский. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860. С. 120; *Фадеев А.В.* О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе // Вопросы истории. 1955. № 6. С. 67; О движении горцев под руководством Шамиля: Материалы сессии Дагестанского филиала Академии наук СССР. Махачкала, 1957. С. 116.
2. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX в. (далее – ДГСВК): сб. док.; сост. *В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов.* Махачкала, 1959. С. 28.
3. *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. // Кавказский сборник (далее – КС). Т. XI. Тифлис, 1887. С. 4.
4. *Волконский Н.А.* Указ. соч. // КС. Т. 10. Тифлис, 1886. С. 30.
5. Центральный государственный военно-исторический архив (далее – ЦГВИА). Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 7.
6. *Алиев Б.Г., Умаханов М.С.* Участие даргинцев в народно-освободительном движении горцев в 20–50-х годах XIX века // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х гг. XIX в. Махачкала, 1994. С. 223.
7. ЦГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 9.
8. Там же. Д. 140. Л. 3.
9. *Волконский Н.А.* Указ. соч. // КС. Тифлис, 1895. Т. 16. С. 476, 478.
10. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (далее – АКАК). Т. 9. С. 864.
11. *Юров А.* Три года на Кавказе. 1837–1839 гг. // КС. Тифлис. 1884. Т. 8. С. 47, 48.
12. ДГСВК. С. 388.
13. ЦГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 7, 9, 12, 85.
14. *Магомедов Р.М.* Единство народов – великое благо Дагестана. Махачкала, 2004. С. 69.
15. ЦГВИА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 139. Л. 85, 87.
16. ДГСВК. С. 428.
17. АКАК. Т. 9. С. 820.
18. ДГСВК. С. 455, 456.
19. *Волконский Н.А.* Указ. соч. // КС. Тифлис, 1887. Т. 11. С. 466.
20. КС. Тифлис, 1890. Т. 14. С. 515, 532.
21. ДГСВК. С. 562, 563.
22. ЦГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 16.

Поступила в редакцию 01.02.2012 г.

Принята к печати 26.06.2012 г.